

АЛЕКСЕЙ НЕКРАСОВ

ПРАВО ПЕРВЫХ

ЧУЖИЕ СРЕДИ ПЕРВЫХ

Право первых

Алексей Некрасов

**Право первых.
Чужие среди первых**

«Автор»

2026

Некрасов А.

Право первых. Чужие среди первых / А. Некрасов — «Автор», 2026 — (Право первых)

2048 год. Первая пилотируемая миссия к звезде Барнарда. Восемь человек летят туда, где, по расчётам, может существовать жизнь. Семь лет пути, два года на исследования. Но когда они достигают цели, реальность оказывается куда сложнее любых прогнозов. Потому что иногда самое трудное — не долететь, а решить, что делать дальше. Философская научная фантастика о выборе, ответственности и цене вмешательства.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Восемь	6
Глава 2. Полёт	19
Глава 3. Надежда	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Право первых. Чужие среди первых

Пролог

Звезда Барнарда висела над горизонтом багровым глазом. Семь лет полёта остались позади, и теперь она смотрела на нас в упор — огромная, красная, чужая.

Я стоял у иллюминатора и думал о том, как быстро человек привыкает к чудесам. Ещё вчера мы были за шесть световых лет от дома, а сегодня смотрим на планету и спорим о том, имеем ли право вмешиваться в чужую жизнь.

Мой командир на фронте часто повторял: «Самое страшное на войне — когда понимаешь, что враг — такой же человек». Я тогда не понимал. Мне казалось, враг — это тот, кто стреляет в тебя. А потом я увидел, как люди становятся зверями, и понял: граница тоньше, чем кажется.

Мы летели не воевать. Мы летели искать. Искали братьев по разуму, а нашли себя — со всей своей болью, страхами, надеждами и вечным вопросом: что мы имеем право делать с теми, кто слабее?

Дмитрий сказал перед стартом: «Если мы там кого найдём, главное — чтобы у них было пиво». Хорошо, что он с нами. Без него мы бы уже повесились от этой серьёзности.

А теперь — смотрите. Смотрите и думайте. Потому что эта история не про звёзды. Она про нас.

Глава 1. Восемь

Научная революция середины века родилась из хаоса. Войны, которые должны были уничтожить нас, дали нам импульс. Мы научились управлять термоядерным синтезом, построили фотонные двигатели, создали криосон. Всё для того, чтобы однажды выйти за пределы Солнечной системы. И вот этот день настал. Завтра мы стартуем. Впервые человек отправится к другой звезде.

Я думал, что буду гордиться. Ведь это моя работа — вычислять траектории, проверять спектры, готовить оборудование. Но сегодня я стою у окна, смотрю на снег и чувствую не гордость. А страх. Не за себя. За тех, кого мы ведём. Восемь человек. Восемь судеб. Но что мы из себя представляем в масштабах Вселенной? Песчинка в океане. И всё же эта песчинка сейчас выбирает направление.

Я не знаю, что мы там найдём. Может, пустоту. Может, жизнь. Может, самих себя. И если мы найдём там кого-то — мы должны будем ответить не только перед наукой, но и перед совестью.

Ли Вэй

7 ноября 2048 года, утро. Космодром «Восточный». Одиннадцать дней до старта.

Снег падал крупными хлопьями, укутывая степь в белое безмолвие. Космодром «Восточный» в это утро казался не стартовой площадкой, а алтарём — огромным, металлическим, воздетым к небу. «Цзяолун-Восток» возвышался над заснеженной равниной, как средневековый собор, в котором вместо колоколов — фотонные двигатели. Тысячи тонн металла, керамики, композитов. В морозном воздухе пахло озоном и ракетным топливом.

Алексей Силаев стоял у смотрового окна и смотрел, как снег тает на стекле, оставляя мокрые следы. Ему было сорок восемь — возраст, когда война уже позади, но память о ней ещё свежа, как незаживающая рана. Он помнил города, над которыми летали его дроны. Помнил тот день в Айдахо, когда уговорил американского лейтенанта не нажимать на ядерную кнопку. Помнил, как впервые увидел Землю из космоса — с орбиты Венеры, — и понял: там всё, что у нас есть. Голубая точка в черноте, такая хрупкая, что казалось — дунь, и разлетится.

Корабль был прекрасен. Он казался живым существом — железным китом, плывущим в черноте, несущим на себе целый мир из плоти, надежд и страхов. И как всякое живое, он был смертным. Алексей знал его вдоль и поперёк: восемь жилых модулей, соединённых переходами, вращающееся кольцо искусственной гравитации, оранжерея, лаборатории, грузовые отсеки. Всё это сейчас было скрыто снегом, но Алексей видел это внутренним взглядом — как любимую женщину, которую знаешь до последней родинки.

Сзади послышались шаги.

— Товарищ командующий, — голос Елены был тихим, но твёрдым.

Он обернулся. Капитан Прокофьева стояла в дверях, держа в руках планшет с медицинскими допусками. Сорок лет, глаза человека, видевшего слишком много смертей. Она умела смотреть так, что становилось не по себе — будто видела тебя насквозь.

— Медицинский допуск подписан, — сказала она. — Экипаж здоров. Психологи дают добро.

Алексей усмехнулся:

— Психологи... Они всегда дают добро, когда начальство прикажет.

Елена промолчала. Только чуть заметно повела плечом — жест, который Алексей уже научился читать: она согласна, но не хочет говорить вслух.

— Все на месте, — добавила она. — Ждут только вас.
— Иду.

Зал ожидания экипажа напоминал привокзальную камеру хранения — те же неудобные пластиковые стулья, тот же запах синтетики и чужого пота. Восемь человек сидели, делая вид, что не разглядывают друг друга. Каждый знал, что следующие шестнадцать лет им предстоит провести вместе. В тесноте, в замкнутом пространстве, без права на ошибку.

Они были здесь не случайно. Российско-китайский межзвёздный комитет отбирал их годами — из тысяч кандидатов, из сотен тестов, из бессонных ночей в центрифугах и сурдокамерах. Кто-то уже был знаком по совместным тренировкам: Дмитрий и Елена вместе проходили марсианскую программу, Ли Вэй и Майкл встречались на конференциях, Жуан стажировался в России и пересекался с Алексеем на симуляциях. Но для некоторых, как для Ван Цзе или Сунь Линь, это знакомство было первым — и, возможно, последним шансом узнать друг друга до того, как корабль унесёт их к звёздам.

Алексей вошёл и сразу почувствовал напряжение — оно висело в воздухе, как перед боем. Остановился в дверях, оглядел собравшихся.

— Ну, знакомиться будем? — спросил он. — Или так и просидим молча?

Первым отозвался мужчина с руками, покрытыми ввевшейся машинной смазкой — она не отмылась даже перед стартом, будто он специально её оставил, как талисман.

— Я Дмитрий, — сказал он, поднимаясь и протягивая руку. — Дмитрий Волков. Инженер. Чинить буду всё, что сломается. А если не сломается — сломаю и починю, чтоб не скучать, — он хмыкнул. — Вы главное не пугайтесь, если я с отвёрткой на вас пойду — это я так, по-дружески.

Алексей пожал руку — ладонь у Дмитрия была твёрдой, горячей.

— А я Елена, — женщина с уральским говором кивнула из-за стола. — Врач. Если кто заболеет — лечить буду. А если не заболеете — буду следить, чтобы не заболели, — она окинула Дмитрия взглядом и не удержалась от улыбки. — Снова вместе, Дмитрий?

— Снова, — Дмитрий расплылся в улыбке. — Только теперь в другой песочнице. И чинить тут буду не фильтры, а целый корабль.

— На Марсе ты тоже сначала хвастался, — парировала Елена. — А потом я тебя откачивала после той пылевой бури.

— Ну, это был несчастный случай. И вообще, я сам себя откачал. Почти.

Она покачала головой, но в глазах её светилось что-то тёплое. Старые друзья — это почти семья. Особенно когда летишь к звёздам.

Мужчина с аккуратной бородкой поднялся и поклонился — не по-восточному низко, а скорее символически, обозначая уважение. В его лице угадывалась та спокойная зрелость, которая приходит к учёному, проведшему не одни десяток лет в науке.

— Ли Вэй, — сказал он с явным китайским акцентом. — Научный руководитель. Буду задавать неудобные вопросы. Прошу прощения заранее.

— Будешь, — кивнул Дмитрий. — А я буду давать неудобные ответы. Сработаемся.

Ли Вэй чуть заметно улыбнулся.

Следующий — мужчина лет сорока, с жёстким взглядом и тонкими, плотно сжатыми губами. Он не встал, только поднял глаза.

— Ван Цзе, — коротко бросил он. — Пилот.

Слова давались ему с трудом — он будто выдавливал их через силу.

— Краткость — сестра таланта, — одобрил Дмитрий. — Мой брат.

Ван Цзе посмотрел на него без улыбки, ничего не ответил. Дмитрий на мгновение смутился, но тут же спрятал это за новой улыбкой.

— Сунь Линь, — женщина с тихим голосом и внимательными глазами встала и поклонилась уже серьёзно, по-китайски. Её русский был идеальным, без малейшего акцента. — Психолог. Если кто захочет поговорить о том, что снится по ночам, — я рядом. Только учтите: я буду задавать вопросы, на которые вам не захочется отвечать.

— А если захотим? — спросил Дмитрий.

— Тогда буду молча наблюдать, — она улыбнулась уголками губ. — Это даже интереснее.

— Наблюдай, наблюдай, — разрешил Дмитрий. — Я всё равно самый интересный.

Поднялся американец. Высокий, чуть сгорбленный, с глазами человека, который слишком долго смотрел в монитор и теперь видит мир иначе.

— Майкл Стоун, — сказал он с заметным акцентом, но уверенно. — Астрофизик. Тот самый, который нашёл эту чёртову планету.

— Тот самый, что планету нашёл? — переспросил Дмитрий.

— Ну да. В смысле — не я нашёл, а данные нашёл. Но планету, да.

— О, виноватый! Значит, если разобьёмся — к тебе?

— Если разобьёмся, нам будет уже всё равно, — парировал Майкл, глядя ему прямо в глаза. В его взгляде мелькнуло что-то — то ли вызов, то ли обида.

— А он с юмором. — Дмитрий одобрительно хмыкнул. — Выживем.

Последний — молодой, с открытым лицом и тёплыми глазами. Он говорил по-русски свободно, почти без акцента.

— Жуан Силва, — сказал он, протягивая руку каждому по очереди. — Бразилец. Антрополог, учился в России. Буду изучать тех, кого найдём.

— А если не найдём? — спросил Дмитрий.

— Тогда буду изучать вас. — Жуан улыбнулся. — Вы тоже достаточно экзотический материал.

— Бразилец, значит, — Дмитрий почесал затылок. — Самбу пляшешь?

— Научу. Но предупреждаю: у меня две левые ноги.

— Договорились.

Алексей слушал и смотрел, запоминая каждого: кто как держится, кто смотрит в глаза, кто отводит взгляд. Потом шагнул вперёд.

— Алексей Силаев, — сказал он. — Командир экипажа. Родился в двухтысячном, так что можете считать меня ровесником века. Буду принимать решения, которые вам не понравятся, и отвечать за них. Если кто хочет выйти — сейчас последний шанс.

Никто не вышел. Дмитрий хмыкнул, Ван Цзе даже бровью не повёл.

— По поводу языка, — добавил Алексей. — На Земле мы договорились: официальные приказы, аварийные инструкции, общие сборы — на русском. Командир русский, значит, и язык команд русский.

— А в быту? — спросил Жуан.

— В быту — кто на чём умеет. — Алексей усмехнулся. — Дмитрий, судя по всему, будет учить нас русскому мату, Ли Вэй — научным терминам, Майкл — английским идиомам. Сунь Линь и так все языки знает.

— «А я буду переводить, если что», — вмешался новый голос: женский, приятный, с лёгкой иронией. Дмитрий довольно осклабился.

— Алиса, — представил он. — Мой проект.

— «Дмитрий Александрович преувеличивает. Я проект всего экипажа. Настройки характера и чувства юмора — его. Три месяца подбора параметров».

Дмитрий довольно ухмыльнулся:

— Три месяца, между прочим. Вы бы слышали, какие варианты она выдавала поначалу. Один раз я чуть под кофе не подавился.

— «Три месяца подбора параметров. Результат: шутки в 92 % случаев уместны, согласно тестам. Оставшиеся 8 % Дмитрий Александрович списывает на “особое чувство юмора”. Я не комментирую».

— И да, — добавил Дмитрий, — Алиса будет помогать в управлении кораблём и в общении.

— «И шутить. Это требование Дмитрия Александровича, внесённое в настройки».

Все, кроме Ван Цзе, рассмеялись. Пилот лишь коротко взглянул на Дмитрия.

Алексей подождал, пока все успокоятся, и продолжил:

— Теперь о том, с чем нам работать. Исследовать планету мы будем не ногами — по крайней мере, первое время. Для этого у нас есть дроны. Двенадцать штук. Девять воздушных — серии ДВ, номера с первого по девятый. Три подводных — серии ДП, номера с первого по третий.

Он развернул на планшете схему.

— Воздушные оснащены камерами высокого разрешения, тепловизорами, спектрометрами. Могут вести разведку, картографировать местность, анализировать состав атмосферы и грунта на небольшой высоте. Дальность — до пяти тысяч километров от точки запуска. Есть функция автоматического возврата на базу. Ресурсы позволяют при необходимости напечатать на 3D-принтере дополнительные детали, но каждый новый дрон — это затраты пластика и микросхем, которые нужны для других целей. Так что лучше беречь те, что есть.

Дмитрий довольно кивнул:

— Я их немного доработал: добавил режим «охотника» — тепловизор может отслеживать, например, стада животных. Пригодится.

Алексей кивнул:

— Подводные дроны, ДП-1, ДП-2, ДП-3, предназначены для исследования водных объектов. Глубина погружения — до трёх тысяч метров. Могут брать пробы воды, грунта, изучать флору и фауну. Тоже есть камеры и сонары.

— «И никакого оружия. Миссия мирная. Предложение Дмитрия Александровича оснастить дроны ракетницей отклонено на стадии проектирования».

— Ну чисто для отпугивания медведей! — возмутился Дмитрий.

— «Вероятность встречи с недружелюбными формами жизни — 0,7 %. Ракетница не входит в список разрешённого оборудования. Но если вы настаиваете, я зафиксирую в журнале: “Дмитрий Александрович готовится к межзвёздной охоте”. Пусть потом объясняют историки».

Дмитрий хмыкнул, но спорить не стал:

— Это ты сейчас к чему?

— «К тому, что статистически повышенная осторожность в неизвестной среде снижает риски на 15 %. Решение за командиром».

Все посмотрели на Алексея. Тот помолчал, потом медленно произнёс:

— Дроны предназначены для наблюдения и сбора данных. Это их единственная задача в штатном режиме. — Он сделал паузу и как-то по-особому посмотрел на Дмитрия. — Но некоторые... технические решения обсуждались с конструкторами ещё на Земле. На всякий случай. Очень крайний случай.

Дмитрий понимающе кивнул. В отличие от остальных, он не выглядел удивлённым — похоже, для него это не было новостью.

— Конструкторы предусмотрели? — уточнил Дмитрий, и в его голосе скользнула тень усмешки — он явно знал ответ.

— Конструкторы сделали свою работу. Мы с тобой обсудили детали перед стартом. Ван Цзе в курсе на случай, если меня не окажется рядом. — Алексей обвёл взглядом рубку. — Остальным знать не обязательно.

Ли Вэй поднял бровь, но ничего не спросил. Елена отвела взгляд — она явно предпочитала не думать о таком развитии событий. Майкл смотрел куда-то в сторону.

— Значит, — подвёл черту Дмитрий, — официально мы мирная экспедиция. А неофициально...

— Неофициально у нас есть инстинкт самосохранения, — перебил Алексей. — Всё остальное — только по моему личному приказу. И никакой самостоятельности. Я понятно выразился?

— Абсолютно, командир, — с абсолютно невинным лицом ответил Дмитрий. — Только наблюдение. До особого распоряжения.

— Дмитрий — главный оператор дронов. Я — дублёр. Ван Цзе тоже прошёл подготовку и сможет управлять, если Дмитрий занят или спит.

Он переглянулся с Ван Цзе. Тот едва заметно кивнул.

Когда гул голосов стих, Ли Вэй подошёл к Алексею. Отошли к окну — туда, где за стеклом всё ещё падал снег.

— Хочу спросить, — Ли Вэй говорил спокойно, будто о погоде. — Вы знаете, почему командир — вы?

Алексей усмехнулся:

— Потому что у России большой опыт пилотируемых полётов? Потому что я был на Венере? Потому что знаю, как командовать?

— Нет. — Ли Вэй покачал головой. — Венера — это формальность. Настоящая причина — в Айдахо. В тридцать третьем.

Алексей помолчал. Тот день он помнил до мелочей: запах бункера, потный лоб лейтенанта, красную кнопку под стеклом.

— Вы про ядерный кризис?

— Про то, как вы вошли в бункер к человеку, который держал палец на кнопке. И вышли оттуда вдвоём. Живые. В Китае про такие вещи говорят: «Остановить конец света за минуту до полуночи».

— Я просто делал свою работу.

— Именно. — Ли Вэй посмотрел на него долгим взглядом. — Китайские солдаты в том кризисе не участвовали. Американские — смотрели друг на друга через прицелы. Русские — разнимали. Вы останавливали конец света. Такое не забывается.

Ли Вэй помолчал, потом заговорил снова:

— Руководство тщательно проверяло ваше досье, Алексей. Академия ВКС, потом боевая работа, потом штабы. Луна, тридцать шестой — вы координировали стыковку, когда у модуля отказал один из двигателей. Люди могли погибнуть, но вы нашли решение за три минуты до катастрофы. Марс, тридцать девятый — вы держали связь с экипажем, когда у них сгорела антенна и они садились вслепую. Вы говорили с ними, пока они не коснулись грунта. А потом Венера, сорок первый. Вы были там лично. Видели другую планету своими глазами, работали в её атмосфере — пусть и с орбиты.

— Это просто работа, — попытался возразить Алексей.

— Это характер, — твёрдо сказал Ли Вэй. — Поэтому вы — командир.

Алексей молчал, глядя на снег.

— Ван Цзе недоволен, — продолжил Ли Вэй. — Он считает, командиром должен быть китаец. Китай построил двигатели, Китай дал большую часть финансирования, Китай...

— Ван Цзе — герой войны, — перебил Алексей. — Он умеет убивать. А в том бункере надо было просто смотреть в глаза перепуганному парню и найти слова, которые его остановят.

— Именно. — Ли Вэй чуть заметно улыбнулся. — Поэтому вы — командир. Потому что если здесь начнётся такой же ад, наше руководство хочет, чтобы рядом был человек, который уже останавливал апокалипсис. Не тот, кто умеет нажимать кнопки. А тот, кто умеет отводить от них руки.

— Но вы правы, — тихо сказал Алексей. — Венера была важна. Мне было сорок два, когда я впервые увидел Землю со стороны. Маленькая мерцающая точка вдалеке. И понял: там всё, что у нас есть. Больше нигде.

Алексей долго молчал.

— Спасибо, — сказал он наконец. — За честность.

— Я всегда честен, — ответил Ли Вэй. — Это дороже денег.

Они вернулись к остальным. Ван Цзе бросил на Алексея короткий взгляд, но ничего не сказал. В этом взгляде было что-то — не вражда, но настороженность.

После того как все представились и обменялись первыми репликами, Алексей дал слово Ли Вэю, и тот коротко обрисовал параметры полёта. Когда гул голосов стих, Алексей встал и развернул планшет.

К тому времени, когда был объявлен набор в межзвёздную экспедицию, автоматические станции уже вдоль и поперёк исследовали Солнечную систему. Зонды опускались в сернистую атмосферу Венеры, бурили марсианский грунт в поисках следов древней жизни, летали среди гейзеров Энцелада, проникали под ледяную корку Европы. Автоматы трудились годами, передавая терабайты данных. Но везде — пустота. Нигде, кроме Земли, не нашлось и следа сложной жизни. Техника доказала: если и искать братьев по разуму, то только у других звёзд.

Сигнал, который обнаружил Майкл, был первым достоверным свидетельством такой возможности. Но отправить к звезде Барнарда автоматический зонд означало тратить двенадцать лет только на передачу данных — шесть туда, шесть обратно. За это время даже самый совершенный искусственный интеллект мог упустить нечто важное, непредусмотренное алгоритмами. Ни одна машина не способна интерпретировать биологические данные с той гибкостью, как живой разум, и никто не решится доверить автомату принимать решения в непредсказуемых обстоятельствах.

Политическое решение, принятое на самом верху, было жёстким: межзвёздный полёт станет пилотируемым. Это был не просто научный эксперимент, это был шаг человечества к звёздам, который никто не хотел доверять машинам. Восемь человек — инженеры, учёные, военные — должны были стать глазами, ушами и совестью Земли за шесть световых лет от дома. Своим полётом они доказывали: есть вещи, которые человек должен делать сам. Даже если это опасно. Даже если это безумно.

Впрочем, для рутинной разведки и сбора данных машины всё ещё оставались незаменимыми.

— Теперь по существу, — Алексей развернул планшет. — Семь лет полёта в одну сторону. Цель — звезда Барнарда, шесть световых лет от Земли. Два года на исследование. Если, конечно, там будет что исследовать.

— Будет, — буркнул Майкл.

— А если нет? — подал голос Дмитрий. — Тогда будем два года в нарды играть?

— Значит, будем играть, — усмехнулся Алексей.

— Это мы почти со скоростью света летим ... — присвистнул Дмитрий.

— Восемьдесят пять процентов, — уточнил Ли Вэй. — Для Земли полёт займёт около семи лет, но для нас — меньше четырёх. Релятивистское замедление времени. Криосон сгладит разницу, но об этом стоит помнить.

Алиса подхватила, переключая изображение на голографическом экране:

— «Фотонный двигатель позволяет. Аннигиляция водорода и антиводорода. Запасы антивещества хранятся в магнитных ловушках, охлаждённых почти до абсолютного нуля. Технология надёжная, но на пределе. Корпус “Цзяолун-Востока” — многослойный пирог из композитов и вольфрама. В ста метрах впереди, на выдвижных фермах, буксируется ледяной щит — полметра замёрзшей воды. За семь лет полёта он примет на себя микрометеориты, превращаясь в пар задолго до того, как они достигнут обшивки. Плюс электромагнитная защита для заряженных частиц. Запасной щит для обратного пути хранится в грузовом отсеке».

Майкл Стоун, сидевший до этого молча, подал голос.

— Звезда Барнарда... — Майкл говорил негромко, но в рубке сразу стало тише. — Я смотрел на неё шестнадцать лет. Впервые — в тридцать втором.

— Что было в тридцать втором? — спросил Жуан.

Майкл усмехнулся — горько, без веселья:

— Война. Гражданская война в Штатах, тридцать второй. Но до неё была другая — с Китаем. Она кончилась в тридцать первом, а через год страна развалилась изнутри. Я сидел в подвале обсерватории в Пасадене, снаружи стреляли. Я прятался в темноте и, чтобы не сойти с ума, разложил на полу старые снимки звёзд. Снимки ещё прошлых лет — американские, их никто не смотрел десятилетиями. И вдруг заметил: у звезды Барнарда слабое колебание. Сигнал. Слабый, но повторяющийся.

Он замолчал, и в рубке повисла тишина.

— Я смотрел на этот сигнал и думал: там, может быть, есть жизнь. Там нет войны. И это меня спасло.

— И ты поверил? — спросил Жуан.

— Я хотел верить, — Майкл усмехнулся. — Опубликовал статью в тридцать пятом. Надо мной смеялись. Говорили — звёздная активность, помехи, ошибка измерений.

— А ты?

— А я ждал. — Он посмотрел на Ли Вэя. — Ли Вэй тогда ещё не был научным руководителем, но он единственный, кто меня поддержал. Выбил финансирование на разработку нового спектрографа. Точность — сантиметр в секунду. В десять раз лучше, чем у ESPRESSO.

— И это сработало?

— Мы собирали данные четыре года — с тридцать шестого по сороковой. Нейросети учились отделять сигнал планет от шума звезды. К сороковому мы получили не просто подтверждение — мы получили спектры атмосфер.

— Атмосфер? — переспросила Елена.

— Да. Кислород, метан, водяной пар. Вместе. То, что не может существовать без жизни. В рубке повисла тишина. Даже Дмитрий перестал улыбаться.

— И ты молчал? — спросил он.

— Я боялся верить, — тихо ответил Майкл. — Восемь лет я ждал подтверждения. А когда оно пришло, понял: теперь страх другой. Что мы с этим сделаем.

Майкл перевёл дух и продолжил:

— В системе Барнарда уже были открыты четыре планеты — b, c, d, e. Все они слишком близко к звезде, раскалённые, мёртвые. А пятая, которую нашёл я, — в обитаемой зоне. В каталогах она значится как Барнард f. Официально.

— Звучит как модель компьютера, — скривился Дмитрий.

— Согласен, — усмехнулся Майкл. — Поэтому я дал ей другое имя. Неофициальное. Для себя. Багровая. Посмотрите на снимки — в свете звезды она действительно багровая.

Алексей кивнул:

— Пусть будет Багровая. Для нас.

— А для них? — Жуан показал на экран, где внизу ещё ничего не было видно.

— Для них... — посмотрим, — ответил Майкл.

В глазах Майкла всё ещё была тревога.

— Теперь о главном, — Алексей перелистнул на планшете. — Семь лет полёта — это восемьдесят четыре месяца. Первые полгода мы будем работать в обычном режиме: пока корабль ещё в пределах Солнечной системы, нужно провести финальные тесты, калибровки, и главное — у нас будет возможность связаться с Землёй. Последний сеанс связи назначен через шесть месяцев, перед выходом за орбиту Нептуна.

Дмитрий присвистнул:

— А потом — тишина?

— На восемь с половиной лет, — подтвердил Алексей. — Так что последний сеанс — это наше прощание с домом. После него мы входим в график гибернации.

— А как будем дежурить? — спросил Жуан.

— Разбиты на две смены по четыре человека. Первая смена: Ли Вэй, Сунь Линь, Майкл, Жуан. Вы первые полгода бодрствуете, настраиваете корабль, проводите сеанс. Потом будите вторую смену: я, Дмитрий, Елена, Ван Цзе. И так по кругу. Криосон замедляет старение в пятнадцать раз — за семь лет постареем месяцев на пять-шесть.

— «Криокамеры используют витрификацию — переход жидкостей в стеклообразное состояние без кристаллов льда. За семь лет физиологический возраст изменится на 0,5 года».

Ли Вэй кивнул:

— Криосон — технология, которая только входит в большую практику. На Земле её используют в исключительных случаях, для тяжёлых пациентов. А для космических перелётов мы — первые, кто применяет её в таком масштабе. Психологи и врачи провели сотни тестов: на добровольцах, на моделях. Результат один — лучший способ сохранить психику и тело в долгом полёте это чередование бодрствования и глубокого сна. Полгода работы, полгода отдыха. Так мы меньше устаём, меньше ссоримся и быстрее восстанавливаемся.

— А если авария? — спросил Ван Цзе.

— Система самодиагностики разбудит дежурную смену, — ответил Ли Вэй. — Если дежурная смена не справится — разбудит всех.

— «Тройная защита: автоматика, дежурная смена, мониторинг».

— И ещё, — добавил Ли Вэй. — Бортовой ИИ. Вы все знаете это имя — «Алиса». Российская разработка. Она управляет всеми системами, ведёт навигацию, хранит базы данных. И все инструкции — в ней. Земля загрузила полный пакет директив.

— А характер для неё кто подбирал? — спросил Дмитрий с довольным видом.

— «Дмитрий Александрович Волков. Три месяца индивидуальной настройки. Чувство юмора — параметр, загруженный им».

— Чувство юмора? — переспросил Алексей.

— Ну да, — Дмитрий развёл руками. — Я подумал: столько лет лететь, а вокруг одни серьёзные лица. Пусть хоть Алиса шутит.

— «И следит за порядком. Дмитрий Александрович указал, что юмор и дисциплина должны идти рука об руку. Параметры согласованы».

— Мудро, — усмехнулся Алексей.

— И ещё, — добавил он. — Личные вещи. Каждый из вас может взять с собой до пятнадцати килограммов того, что считает важным. Фотографии, книги, талисманы — что угодно. Это единственное, что будет напоминать вам о доме. Так что выбирайте с умом.

— А можно я возьму запасную отвёртку? — спросил Дмитрий. — Она весит всего двести граммов.

— «Зафиксировано: 14 отвёрток в личном багаже. Рекомендованный лимит — 2. Дмитрий Александрович, если вы планируете чинить корабль в одиночку, напоминаю: у вас две руки».

— Отвёртка — это святое!

Елена покачала головой, но улыбнулась.

— Вопросы?

Вопросов не было.

— Тогда летим.

2033 год. Айдахо.

Алексей тогда был подполковником. Три года прошло после событий на Украине. Когда грянул ядерный кризис, его отозвали первым — таких обстрелянных офицеров, как он, было не найти.

Ему было тридцать три — возраст, когда война уже позади, но опыт ещё свеж.

Его группа — двадцать человек — вошла на базу ВВС США «Маунтин-Хоум» в Айдахо, где засел молодой лейтенант из группировки «Наследие». Тот уже ввёл коды. Оставалось нажать.

Алексей вошёл в командный бункер один.

— Не подходи, — лейтенант поднял пистолет. Рука его дрожала. — Я ввёл коды. Осталось нажать. И Пекин перестанет существовать.

— Ты хочешь убить китайцев?

— Они убили мою страну.

— Твоя страна сама себя убила. Гражданской войной. Глупостью.

— Нет!

— Я был на войне. Я видел, как люди убивают друг друга. Если ты нажмёшь, начнётся то же самое. Только в сто раз хуже.

Лейтенант смотрел на него. Пистолет дрожал в руке.

— У тебя есть мать? — спросил Алексей.

— Что?

— Мать. Она где?

— В Оклахоме...

— Если ты нажмёшь, Оклахома сгорит через час. Ты хочешь убить свою мать?

Лейтенант заплакал — тяжело, навзрыд, как ребёнок. Алексей подошёл и положил руку ему на плечо.

— Иди домой.

Он отвёл его от пульта и ввёл блокировку.

Через неделю в ООН подписали соглашение. Россия брала на себя временный контроль над ядерными арсеналами США до стабилизации обстановки. Китай поддержал это решение. Англия пыталась протестовать, но её никто не слушал. Мир выдохнул.

18 ноября 2048 года. Космодром «Восточный». 08:00 по местному времени.

«Цзяолун-Восток» дрожал, как живой. Дрожь передавалась через кресла, через скафандры, через кости. Алексей сидел в командирском кресле и слушал обратный отсчёт.

— Пять... четыре... три... два... один... ПУСК!

Рёв двигателей пробился даже сквозь шумоподавление. Алексея вдавило в кресло с такой силой, что на миг потемнело в глазах. Корабль отрывался от Земли медленно, неохотно, будто не веря, что люди действительно решились на это.

— Есть отделение транспортного. — Дмитрий откинулся в кресле. — Обратного билета нет, господа.

— Выход на расчётную орбиту, — добавил Ван Цзе. Голос его был ровным, почти безразличным.

— «Синхронизация с разгонным блоком завершена», — доложила Алиса.

Алексей смотрел в иллюминатор. Земля уходила вниз, уменьшалась, превращалась в голубой шарик. Облака, океаны, знакомые очертания континентов. Там, внизу, осталась Россия. Осталась дочь. Катя. Она будет ждать.

— «Выход на траекторию перелёта. Фотонный двигатель активирован. Начинаем разгон до восьмидесяти пяти процентов световой».

— Экипажу сохранять спокойствие, — скомандовал Алексей, пряча улыбку. — Приключение начинается.

Май 2049 года. Орбита Нептуна.

Шесть месяцев полёта. Корабль миновал орбиту Нептуна. Сигнал с Земли добирался сюда больше суток. Ещё немного — и тишина навсегда.

Алексей стоял у пульта связи. Рядом молча собрались все. Кто-то прислонился к стене, кто-то замер у иллюминатора. Дмитрий крутил в пальцах старую фотографию — мальчик лет восьми на фоне Оки.

— «Пять минут до потери сигнала».

— Ну что, орлы, — Дмитрий оглядел всех. — Кто первый прощаться? Давайте без соплей, у нас ещё шестнадцать лет впереди, чтобы друг друга доставать.

Алексей шагнул к микрофону первым. Говорил коротко, будто не прощался, а просто ставил в известность:

— Катя. Дочка. Шестнадцать лет. Я вернусь. Жди.

Отошёл.

Дмитрий сунул фотографию в карман, шагнул к микрофону, глянул на неё и коротко бросил:

— Санёк. Не дури. Учись. Вернусь — проверю. Если двойку принесёшь — отправлю в космос мыть иллюминаторы.

Отошёл, пряча улыбку.

Елена подошла, постояла, глядя на пульт, и ничего не сказала. Просто коснулась рукой экрана с изображением Земли и отошла. Майкл, стоявший рядом, положил руку ей на плечо на секунду — она не отстранилась.

Ван Цзе шагнул вперёд, встал перед микрофоном. В руках он держал маленькую, потёртую фотографию — женщина с младенцем на руках, снятая, видимо, в сельском дворе. Он долго смотрел на неё, потом поднял глаза к экрану, где всё ещё висело изображение Земли.

— Мама... — голос его дрогнул, но он справился. — Я всё сказал.

Он резко отошёл, даже не взглянув на остальных, и спрятал фотографию в нагрудный карман.

Сунь Линь подошла, посмотрела на экран и тихо, почти шёпотом, произнесла по-китайски всего два слова: «Я помню». И отошла.

Майкл подошёл, усмехнулся чему-то своему:

— Мама, пап... я всё ещё люблю этот дом. Даже если его больше нет. Надеюсь, там, где вы сейчас, нет войны.

Он помолчал и вдруг, словно про себя, добавил:

— Когда не с кем прощаться — лететь легче.

Жуан шагнул к микрофону, улыбнулся, хотя глаза были влажные, сказал по-португальски:

— Я вернусь. Ждите. Обещаю.

Ли Вэй подошёл последним. Стоял прямо, смотрел на экран. Сказал по-китайски, чётко и спокойно. Помолчал и добавил, глядя прямо перед собой:

— Я люблю тебя. Прости, что не сказал раньше.

Никто не спросил, кому это было сказано. Каждый понял по-своему.

Алексей снова шагнул к пульту, бросил взгляд на таймер.

— Всем спасибо, — сказал он негромко.

В рубке повисла тишина. Только гул систем жизнеобеспечения и тихое шипение вентиляции.

— «Записано 87 сеансов связи. Передача на Землю запланирована».

Через несколько минут Алиса добавила:

— «Сигнал потерян. Внешние источники отсутствуют».

— Спасибо, Алиса, — тихо сказал Алексей.

— «Функция вежливости активирована по настройкам Дмитрия Александровича».

— Она ещё и язвит, — усмехнулся Дмитрий.

— «Язвительность — один из загруженных параметров коммуникации».

Наступила тишина. Первым её нарушил Жуан:

— Ну что, теперь только мы?

— Только мы, — ответил Алексей. — Только наше решение. Инструкции загружены в Алису. А совесть — в каждом из нас.

Он обвёл взглядом экипаж.

— По каютам. Первая смена — в рубку. Остальным — готовиться к гибернации.

Капсулы закрывались одна за другой. Дмитрий, прежде чем закрыть свою, высунулся и крикнул:

— Если кто начнёт храпеть — разбужу! И научу храпеть в унисон, чтоб мелодично было!

— «Дмитрий Александрович, храп может нарушить сон остальных членов экипажа. Вероятность пробуждения — 67 %. Я запишу ваш храп для истории. На случай, если когда-нибудь изобретут лекарство от храпа, у нас будет эталонный образец».

— А ты не подслушивай!

— «Мониторинг ведётся в штатном режиме. Настройки не предполагают избирательного отключения».

— Заткнись уже, — донеслось из капсулы Елены. Но голос её звучал не сердито, а устало-ласково.

— Люблю, когда меня просят, — ответил Дмитрий и провалился в сон.

Елена замерла с лёгкой улыбкой. Ван Цзе уходил в гибернацию с тем же напряжённым лицом, не глядя на остальных. Перед тем как закрыть капсулу, он посмотрел на фотографию, прикрепленную к внутренней стенке — два мальчика, один постарше, обнимаются на фоне гор. Долго смотрел, потом перевёл взгляд на Майкла. Взгляд был тяжёлым.

Майкл этого не заметил — он уже забирался в свою капсулу, бормоча что-то про спектры.

Алексей лёг последним. Посмотрел на звёзды в иллюминаторе, на удаляющуюся Землю, на лица товарищей, застывшие в стекле капсул.

— «Алиса, запиши в личный дневник», — тихо сказал он.

— «Запись начата».

— Мы уходим. Семь лет до цели. Если я не проснусь — передай моей дочери... — Он замолчал. — Ладно. Просто запиши: я её люблю. И что мой командир был прав.

— «Записано: “Я её люблю. И что мой командир был прав”. Отправка при восстановлении связи».

— Спасибо, Алиса. И ещё... инструкции. Они у тебя?

— «Все директивы загружены. Цифровой код доступа. Вскрытие по вашему приказу».

— Хорошо. — Алексей усмехнулся.

— «Режим ожидания активирован. Если что — я на связи. И даже если не надо — я всё равно на связи».

Алексей закрыл глаза.

Четверо остались в рубке. Ли Вэй, Сунь Линь, Майкл, Жуан. Их вахта — первые шесть месяцев. Самые трудные.

— Ну что, — Ли Вэй посмотрел на звёзды. — Полгода только начались. Предлагаю не убить друг друга до первой смены.

— А Дмитрий обещал научить нас анекдотам, когда проснётся, — сказал Жуан. — Жалко будет, если мы к тому времени переругаемся.

— Значит, не будем переругиваться, — ответила Сунь Линь. — Ради анекдотов. И вообще, я за вами следить буду.

Майкл усмехнулся:

— Никогда не думал, что буду ждать пробуждения русского инженера, чтобы посмеяться.

— Россия — страна неожиданных радостей, — улыбнулся Жуан.

— «В базе 47 000 анекдотов. Дмитрий Александрович отобрал 500, параметр “уместность” — 78 %».

— Пока не надо, — засмеялся Жуан. — Мы ещё не готовы. Дайте нам хотя бы полгода акклиматизации.

— «Как скажете. Но один я расскажу, для истории. — Алиса выдержала паузу. — Лежит космонавт в кювете, смотрит на звёзды. Товарищ спрашивает: “Ты о чём?” — “Да всё думаю, почему звёзды светят?” — “А что тут думать — термоядерный синтез”. — “Нет, я о другом: почему они для нас светят, а мы для них нет?” — “Потому что мы ещё не долетели”. — Пауза. — Уместность — 78 %».

Все невольно улыбнулись. Даже Ван Цзе чуть заметно качнул головой.

Майкл тихо сказал:

— Звезда Барнарда. Пять целых девяносто шесть сотых светового года. Когда я был мальчишкой, считалось, что там ничего нет. А теперь я туда лечу.

— Теперь летим, — поправил Жуан.

— Теперь летим, — повторил Майкл. — За мечтой.

— «Записано: “За нашей мечтой”. Добавлено в хроннику».

Из дневника командира Алексея Силаева

Мы разогнались. Звёзды за иллюминатором превратились в полосы света — будто кто-то размазал их по стеклу. Капсула закрывается. Семь лет.

Катя. Дочь. Ей сейчас девятнадцать. Когда вернусь, будет тридцать пять. Если вернусь. Она выросла без меня, а я так и не научился быть отцом на расстоянии. Всякий раз, когда я смотрел на её фотографию перед стартом, я думал: что я ей скажу, когда вернусь? Что я делал всё это время? Летел. Смотрел на звёзды. Выбирал. А что она скажет мне? «Папа, я тебя не помню»? Или «папа, я ждала»? Второе страшнее. Потому что оно обязывает.

Дед на Эльбе обнимался с американцем. Через несколько дней после того, как стреляли друг в друга. «Война кончается, когда видишь в противнике человека». Я тогда не понимал. Думал, война кончается, когда кто-то победил. Теперь — кажется, начинаю понимать. Война кончается, когда ты перестаёшь видеть врага. А здесь нет врагов. Есть восемь человек

и звёзды. И огромная тишина, которая заполняет всё. Может, она и есть главный враг? Или главный друг? Не знаю.

Ван Цзе смотрел на Майкла перед сном. Долго. Взгляд тяжёлый. Я запомнил его — на будущее. Может, он думал о брате, который не вернулся? О том, что у одних война заканчивается, а у других — никогда? Спрошу когда-нибудь. Если будет время.

Капсула ждёт. Пора.

Глава 2. Полёт

Шестнадцать лет. Долгий срок, но я не боюсь. Там, внизу, остался Санёк. Я обещал вернуться. А обещания надо выполнять. Даже если для этого придётся лететь к чёрту на рога — к звезде, которую открыл нервный американец с трагической историей.

Главное, чтобы у них там было что чинить. Робота-инженера в комплекте не дали — энергию жрёт, говорят. А четырнадцать запасных отвёрток — это, видите ли, в самый раз. Неправедливость, короче. Ладно, отвёртки есть — остальное приложится. А если нет — значит, не судьба.

И ещё: а то за такой промежуток времени мои руки без отвёртки совсем засохнут. А я, знаете ли, человек простой: если не ломается — сломаю и почию, чтобы не скучать.

Дмитрий

15 декабря 2048 года. Глубокий космос.

Жизнь на «Цзяолун-Востоке» подчинялась строгому распорядку. Шесть часов вахты, шесть часов отдыха, шесть часов сна, шесть часов на личные дела — так повторялось каждые сутки. Впрочем, понятие «сутки» здесь было условным — за бортом всегда была ночь, и только часы напоминали, когда нужно есть, а когда спать.

Коридоры корабля гудели от работы вентиляции, где-то внизу ритмично пульсировал двигатель, создавая лёгкую вибрацию, к которой быстро привыкаешь. В оранжерее зеленели первые ростки — салат, лук, помидоры. Урожай собирали раз в месяц — немного, но свежая зелень скрашивала однообразие синтетической еды.

Сейчас бодрствовали только четверо: Ли Вэй, Сунь Линь, Майкл и Жуан.

Ли Вэй сидел в рубке один. Остальные разошлись по каютам, но ему не спалось. Звёзды за иллюминатором давно превратились в равномерное свечение — корабль летел на восьмидесяти пяти процентах скорости света, и привычная картина неба исчезла.

Он оттолкнулся от кресла и проплыл пару метров, проверяя показания приборов. Всё было в норме.

— «Кислород — 21,3 %. Давление — 1,02 атм. Все системы в норме».

— Спасибо, — машинально ответил Ли Вэй.

— Не спится, профессор?

Он обернулся. В дверях стояла Сунь Линь — бесшумная, как всегда.

— Тебе тоже.

Она села рядом, уставилась в иллюминатор.

— О чём думаешь?

— О них. — Ли Вэй кивнул в сторону кают, где спала вторая смена. — О том, как мы будем уживаться семь лет.

— Не всё гладко, — спокойно сказала Сунь Линь. — Ван Цзе относится к Майклу с неприязнью. Майкл чувствует себя неуверенно рядом с ним. Алексей старается быть командиром для всех, но китайская часть пока не прониклась к нему доверием.

— «Статистически через два года уровень конфликтности снижается на 40 %».

— Ты бы помолчала, — вздохнул Ли Вэй.

— «Молчание активировано. Данные сохранены. Тишина — тоже статистика».

Сунь Линь улыбнулась:

— Она права. Через два года мы будем другими.

Днём Жуан и Майкл часто коротали время за настольным теннисом в грузовом отсеке — при половине гравитации мяч летел медленно, но предсказуемо. Это помогало отвлечься от мыслей о бесконечной пустоте за бортом и немного разрядить обстановку. Жуан, с его южно-американским темпераментом, постоянно подшучивал над сдержанным Майклом, и тот даже начал отвечать — правда, с типично американским сарказмом.

— Ты проиграл, — сказал как-то Жуан, когда мяч отскочил от стола в невесомости.

— Я не проиграл, я проводил эксперимент по влиянию пониженной гравитации на траекторию, — парировал Майкл, и они оба рассмеялись.

Но сейчас в рубке было тихо. Ли Вэй и Сунь Линь ещё долго сидели молча, глядя на звёзды, которые не двигались — только приборы показывали, что корабль мчится вперёд с невероятной скоростью.

Ван Цзе. 2031 год. Филиппинское море.

Ван Цзе сидит в катапультируемом кресле посреди океана. Вода тёплая, как парное молоко, но он этого почти не чувствует. Третий час он держится за обломки, глядя в пустое небо, где три часа назад горел его самолёт.

Ему двадцать три. Лейтенант морской авиации. Два с половиной года войны.

Американские F-35 вынырнули из облаков неожиданно. Он успел сбить одного, может, двух — на экране радара уже не разобрать. Три метки исчезло. Три сбитых. А потом пришла очередь его самого.

— Три сбитых, — шепчет он. — Три.

На третьи сутки его подбирает китайский эсминец.

— Брат, — слышит он сквозь забытьё. — Живой.

Очнувшись в лазарете, он узнаёт: его брата, Ван Лэя, сбили на следующий день. Над морем. Не нашли.

Ван Цзе лежит на койке и смотрит в белый потолок. Для него теперь эта война не кончится никогда.

— Три сбитых, — шепчет он. — А его нет.

Апрель 2049 года. Пятый месяц полёта.

Майкл сидел в кают-компании и смотрел на фотографию, которую возил с собой двадцать лет. Родители, Пасадена, 2025 год. Тогда он был молодым, наивным, верил, что наука спасёт мир.

— Покажешь?

Жуан подсел рядом. Майкл молча протянул фото.

— Красивые люди, — сказал Жуан. — Где они сейчас?

— Мама умерла в тридцать третьем, во время гражданской войны. Отец — в тридцать пятом, от разбитого сердца. Или от того, что Америка развалилась. Одно другого стоит.

— Извини.

— Ничего. Я привык.

— Не привык. Не ври.

Майкл усмехнулся:

— Откуда ты знаешь?

— Я антрополог. Я изучаю людей. И вижу, когда они врут.

Майкл убрал фото в карман.

— Ладно. Не привык. Но приходится.

— Расскажи ещё про звезду, — попросил Жуан. — Ты ведь уже говорил, но я хочу подробнее. Как ты понял, что это не ошибка?

Майкл оживился. Эта тема была для него больной, но любимой.

— Самое сложное было не в том, чтобы найти сигнал, а в том, чтобы доказать, что он настоящий. Знаешь, до нас были другие. В шестидесятых астроном Питер ван де Камп объявил, что нашёл у Барнарда целых две планеты. Он наблюдал её десятилетиями, думал, что видит колебания звезды. А оказалось — ошибка телескопа. Его открытия опровергли.

Жуан слушал внимательно.

— И ты боялся, что с тобой будет так же?

— Каждый день. — Майкл усмехнулся. — В две тысячи восемнадцатом году другая группа объявила о суперземле с периодом двести тридцать три дня. Тоже не подтвердилось. Так что мой страх был не беспочвенным. Но я продолжал копать.

— Почему?

— Потому что сигнал был слишком чистым. Я просто чувствовал: это не шум. А потом, когда точность спектрографа достигла сантиметра в секунду, всё встало на свои места. Кислород, метан, водяной пар — все линии совпали. Так я нашёл её. Пятую планету. Барнард f.

— «Новые спектрографы: точность 1 см/с. В 10 раз выше предыдущего поколения».

— Спасибо, Алиса, — кивнул Майкл. — Именно так.

2039 год. Шанхай.

Майкл сидел в маленьком кафе на набережной, сжимая в пальцах остывшую чашку кофе. За окном моросил дождь, делая очертания небоскрёбов размытыми, а фонари — расплывчатыми пятнами. На столе перед ним лежала распечатка — его статья о звезде Барнарда, испещрённая пометками на полях.

Он пришёл сюда по приглашению. Несколько дней назад ему позвонили из Шанхайской астрономической обсерватории и передали, что профессор Ли Вэй хотел бы встретиться. Майкл тогда долго не мог понять, кто это и зачем ему понадобился. Ли Вэй — имя, которое он встречал в нескольких работах по экзопланетам, но их пути никогда не пересекались. И вдруг — звонок. Вежливый сухой голос на другом конце провода сказал: «Профессор Ли был бы рад видеть вас в Шанхае, если вы располагаете временем».

Он располагал. Времени у него было много. Больше, чем хотелось.

Ровно в назначенный час почти бесшумно на стул напротив опустился человек в строгом тёмном костюме. Майкл поднял глаза. Незнакомец был невысок, с аккуратной седой бородкой, но взгляд его был острым, цепким.

— Доктор Стоун?

— Да.

— Я Ли Вэй. — Он кивнул на распечатку. — Спасибо, что согласились приехать. Я слежу за вашими работами уже несколько лет. И хотел обсудить кое-что лично.

Майкл невольно напрягся. Он привык к насмешкам, к вежливым отпискам, к тому, что коллеги отводили глаза, когда речь заходила о его «фантомной планете». Он ждал очередного скептического вопроса, может быть, даже сочувственного кивка, за которым последует вежливое, но твёрдое «но вы же понимаете...».

— Вы действительно верите, что там есть планета? — спросил Ли Вэй.

Голос его был спокоен, без тени насмешки.

Майкл помедлил, глядя в глаза собеседнику. В них не было того снисходительного любопытства, к которому он привык. Только внимательное, почти изучающее спокойствие.

— Верю, — ответил Майкл. Слова вышли твёрже, чем он ожидал.

— Почему?

Майкл провёл пальцем по краю распечатки.

— *Потому что сигнал слишком чистый. — Он поднял глаза. — Я перепроверял сотни раз. Шум от звезды — он хаотичный, рваный. А здесь — повторяющаяся структура. Как пульс. Как дыхание. Это не помехи.*

Ли Вэй долго молчал. За окном моросил дождь, официант у соседнего столика переставлял чашки, и их лёгкий звон казался неестественно громким.

— *Я помогу вам, — сказал наконец Ли Вэй. — Добьюсь ресурсов на новый спектрограф.*

Майкл не поверил своим ушам.

— *Зачем? — вырвалось у него. — Никто не хочет в это вкладываться. Мою работу считают... — он запнулся, подбирая слово, — экзотикой.*

— *Ваша работа — это наука, — спокойно ответил Ли Вэй. — А наука не бывает экзотикой. Она бывает правильной или ошибочной. Я хочу убедиться, что вы не ошибаетесь.*

Майкл смотрел на него, не зная, что сказать. В горле застрял комок.

— *Спасибо, — выдавил он наконец. — Но... почему вы? Почему именно вы?*

Ли Вэй чуть заметно улыбнулся. Он поднялся, оставив на столе визитку.

— *Через месяц придут чертежи. Я пришлю вам. Изучите. Если там действительно есть планета, мы должны её найти. Не для славы. Для того, чтобы знать.*

Майкл взял визитку, всё ещё не веря. Ли Вэй кивнул и вышел под дождь, быстро растворившись в серой пелене.

Майкл остался сидеть, глядя на распечатку, на чёткие линии спектра, которые он знал наизусть. За окном моросил дождь, а в груди впервые за долгие годы разгоралось что-то тёплое, похожее на надежду.

Март 2049 года. Четвёртый месяц полёта.

Ван Цзе и Майкл оказались в рубке вдвоём. Тишина была тяжёлой, как бетонная плита. Майкл несколько раз открывал рот, чтобы что-то сказать, но каждый раз замолкал. Ван Цзе сидел, уставившись в иллюминатор, и, казалось, не замечал его присутствия.

— *Ты на меня злишься, — наконец сказал Майкл. Это был не вопрос.*

Ван Цзе молчал, глядя на звёзды. Тишина затягивалась.

— *У меня брат погиб в той войне, — тихо сказал он, не оборачиваясь. Голос его звучал глухо, будто из пустого колодца. — Пилот. Сбили над морем. Я искал его три дня.*

Не нашёл.

— *Это в тридцать первом было? — спросил Майкл.*

Ван Цзе кивнул. Для него война кончилась в том году, а для Майкла она продолжилась — через год страна развалилась изнутри.

— *Мне жаль, — сказал Майкл, чувствуя, как пусто и беспомощно звучат эти слова.*

— *Мать так и не простила себя, — продолжал Ван Цзе, не меняя тона. — Она до сих пор ждёт его к ужину. Ставит лишнюю тарелку. Говорит, что он просто задерживается. Каждый вечер.*

Майкл опустил глаза. Он не знал, что сказать. Его собственные родители погибли за неделю до того, как он нашёл сигнал звезды. Они вышли за водой и попали под перекрёстный огонь. Он даже не успел попрощаться.

— *Мои родители не пережили ту войну. Я даже не успел попрощаться.*

Ван Цзе медленно повернул голову и посмотрел на Майкла. Взгляд был тяжёлым, но в нём мелькнуло что-то — не сочувствие, но хотя бы понимание.

— *Мы оба не успели, — сказал он.*

Он снова отвернулся к звёздам. Майкл не решился продолжить. Какое-то время они сидели молча, слушая тихое гудение систем жизнеобеспечения. Потом Ван Цзе заговорил снова, не оборачиваясь:

— Знаешь, я иногда думаю: если бы не война, я бы стал кем-то другим. Может, даже полетел бы к звёздам раньше.

— А теперь? — осторожно спросил Майкл.

— А теперь я здесь. — Ван Цзе чуть заметно усмехнулся, но усмешка была горькой. — И это, наверное, тоже ответ. Не тот, который я ждал, но... ответ.

Майкл хотел спросить, что именно он ждал, но передумал. Некоторые вопросы лучше оставлять без ответа.

Они снова замолчали. Но тишина уже не была такой тяжёлой, как вначале.

Москва, 12 апреля 2042 года. Форум «Путь к звёздам».

Зал заседаний Кремля был полон. Алексей сидел в четвёртом ряду, слушая официальные речи. Двенадцатое апреля — День космонавтики — сегодня обрело новый смысл. Ровно сто двадцать один год назад Гагарин сказал «Поехали». Сегодня человечество готовилось сказать это звёздам.

На сцене сменяли друг друга докладчики — министры, генералы, учёные. Говорили о политике, об экономике, но главное было впереди.

— Мы стоим на пороге величайшего события в истории, — вещал представитель российского правительства. — Через шесть лет корабль «Цзяолун-Восток» отправится к звезде Барнарда.

На экране появилась карта мира 2042 года. Алексей смотрел на неё и невольно сравнивал с той, что помнил по учебникам. Мир изменился до неузнаваемости.

Евразийский союз (ЕАС) — Россия, Беларусь, Казахстан, Украина, почти все республики бывшего СССР. Финляндия, Прибалтика, Польша, Чехия, Венгрия, Балканы. Все они вошли не по принуждению — их привела необходимость выживать, после того как Евросоюз рухнул.

Средиземноморский союз — Франция, Германия, Испания, Италия. Попытались стать третьим центром силы, но демография сделала своё дело. Англия осталась в стороне — ни к кому не примкнула, застыв в гордом одиночестве на своём острове.

Азия и Ближний Восток — вся в орбите Китая. Япония, Корея, Вьетнам, Индия, Индонезия, Иран — связаны с Пекином экономическими соглашениями.

Америка — расколотая надвое. Тихоокеанский союз на западе, Атлантический союз на востоке. От прежнего могущества не осталось и следа.

— Мы совершили научный скачок, — продолжал докладчик. — Термоядерный синтез, фотонные двигатели, системы криосна — всё это стало реальностью. Но наука — это только половина дела. Вторая половина — это люди, которые готовы рискнуть всем ради будущего.

Объявили следующего выступающего. К трибуне вышел Ли Вэй. В зале стало тише.

— Коллеги, — начал он негромко. — Многие из вас знают меня как учёного. Но сегодня я хочу говорить о доверии. Ещё десять лет назад мы воевали друг с другом. Мы были на грани самоуничтожения. Но мы выжили. Не потому что стали умнее, а потому что в самый критический момент нашлись люди, которые отказались нажимать на кнопки. Люди, которые поняли: враг — это война, а не сосед. И только вместе мы можем строить будущее.

Зал аплодировал.

После выступления к Алексею подошёл пожилой генерал.

— Знакомый? — кивнул он на Ли Вэя.

— Просто коллега, — ответил Алексей.

— Хорошо сказал. Я, знаешь, тоже воевал. Думал, это навсегда. А теперь вот... на звёзды собрались. — Генерал усмехнулся. — Думаешь, там будет так же? Войны, делёж, кровь?

Алексей долго молчал и потом ответил.

— Не хотелось бы.

Они ещё раз взглянули на карту. На мир, который стал другим. И на звёзды, к которым предстояло лететь.

Апрель 2049 года. Пятый месяц полёта.

Жуан и Ли Вэй остались вдвоём в кают-компании. Кофе в кружках давно остыл, но оба держали их в руках, будто греясь. За иллюминатором медленно тянулась бесконечная чернота, и только редкие далёкие звёзды напоминали, что они не одни во Вселенной.

— Я думал, мы не выдержим, — сказал Ли Вэй, глядя в кружку.

— Я тоже, — признался Жуан. — Первые два месяца казалось, что стены сожмутся и раздавят нас.

— Но пока справляемся, — улыбнулся Ли Вэй.

— Справляемся. — Жуан отставил кружку и посмотрел на собеседника. — Знаешь, почему я поддержал Майкла? Не потому, что поверил в его планету. Я поверил в него. Потому что он был один. Все смеялись, а он продолжал верить. Это дорогого стоит.

Ли Вэй кивнул, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Я помню, как мы впервые встретились в Шанхае. Дождь, маленькое кафе на набережной. Он тогда выглядел затравленным, будто весь мир был против него. Но в глазах горел огонь. Не фанатичный, не слепой. Просто... упрямый. Я подумал: такой человек не ошибается. Если он верит, значит, есть за что.

— А ты сам? — спросил Жуан. — Ты верил в ту планету?

Ли Вэй помолчал, собираясь с мыслями.

— Я верил в него. А это почти то же самое. Наука — это не только факты и уравнения. Это ещё и люди, которые готовы рискнуть всем, чтобы докопаться до истины. Майкл рискнул. И я решил, что должен рискнуть вместе с ним.

Жуан усмехнулся:

— Философ.

— Учитель, — поправил Ли Вэй с лёгкой улыбкой. — Конфуций говорил: «Благородный муж помогает людям делать то, что в них есть доброго». Я помог Майклу. Теперь мы здесь.

Они замолчали, глядя на звёзды. Тишина была спокойной, почти домашней.

— Скоро увидим, — сказал наконец Жуан. — Его звезду. И его планету.

— Да, — тихо ответил Ли Вэй. — И, надеюсь, не разочаруемся.

— А если там никого нет?

Ли Вэй пожал плечами:

— Тогда мы просто долетим до другой звезды. А потом — до следующей. Человечество не остановится.

Жуан посмотрел на него с уважением.

— Ты действительно веришь в это?

— Я учёный, — сказал Ли Вэй. — А учёный обязан верить в бесконечность возможностей. Иначе зачем мы здесь?

Дмитрий. 2039 год. Марс. Пылевая буря.

Модуль трясло так, что зубы стучали. Снаружи выл ветер — не так, как на Земле, а низко, басовито, будто сам Марс пел свою погребальную. Пыль скребла по обшивке, и сквозь вой Дмитрий слышал, как забиваются фильтры — один за другим, с хрипом, с кашлем, как умирающий старик.

— Фильтры забиваются, — сказала Елена. Голос у неё был спокойный, слишком спокойный. — Ещё час — и сядем.

— Знаю.

— О чём думаешь?

Дмитрий хотел отшутиться. «О том, что мы дураки, что полезли на Марс без нормальной защиты». Но слова застряли в горле. Он посмотрел на фотографию, прикрепленную к приборной панели, — мальчишка лет десяти с удочкой, счастливый, загорелый.

— О том, что, если мы сейчас сдохнем, сын мой так и будет думать, что я просто сбежал.

— А ты сбежал? — спросила Елена, застёгивая шлем.

— Я полетел. — Дмитрий щёлкнул замком. — Это разное.

Они вышли наружу. Ветер сразу ударил по скафандрам — их качнуло, и пришлось широко расставить ноги, чтобы удержаться. Пыль клубилась вокруг, скрывая всё за десять метров. Сквозь толстые стенки скафандров слышался только низкий гул да редкие удары песчинок — словно кто-то бросал горсти мелкой дроби. Дмитрий двигался на ощупь, перебирая по стене модуля. Фильтры были внизу, почти у самой земли, и пришлось лечь на грунт, чтобы добраться до них.

Рука нащупала холодный металл. Он выбил грязь, подставил под поток воздуха — пыль сдуло, но через минуту она набилась снова. Елена работала рядом, иногда их скафандры соприкасались, и он чувствовал её дрожь — или это у него самого тряслись руки.

Потом сознание начало плыть. Кислород кончался, фильтры не справлялись. Дмитрий увидел перед глазами белую пелену, потом темноту. Он даже не понял, когда отключился.

Очнулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Елена стояла на коленях рядом, её шлем был залепан пылью, но глаза — живые, встревоженные.

— Вставай, — сказала она. — Буря стихает.

Дмитрий сел, огляделся. Ветер действительно утих, пыль оседала, и в мутном мареве уже проглядывали очертания скал. Фильтры работали — он слышал их ровное гудение через вибрацию стенки.

Они просидели в модуле ещё шесть часов, дожидаясь, пока атмосфера очистится. Пили воду, молчали. Елена перебирала аптечку, проверяла, не отравились ли они. Дмитрий смотрел на фотографию сына.

— Напишешь ему? — спросила Елена, когда связь восстановилась.

— Напишу, — ответил он.

Он писал долго, перечёркивал, начинал заново. В итоге отправил короткое: «Жив. Вернись. Жди».

Май 2053 года. Пятьдесят третий месяц полёта.

Время тянулось медленно. После четырёх смен, четырёх пробуждений и четырёх погружений в криосон дни уже не делились на годы — только на вахты. В четвёртом отсеке барахлил датчик. Дмитрий лежал на спине, втиснувшись в узкое пространство между панелями. Ван Цзе стоял рядом, молча подавая инструменты.

— Слушай, — сказал Дмитрий, кряхтя от напряжения, — а ты никогда не жалел, что пошёл в космос?

Ван Цзе помолчал, потом ответил:

— Жалел. В первые два года. Потом перестал.

— Почему?

— Потому что понял: на Земле мне делать нечего. Там всё напоминает о том, что я потерял. А здесь — чисто. — Он помолчал, глядя куда-то в сторону. — Как в могиле, только с видом на звёзды.

Дмитрий удивлённо посмотрел на него. Ван Цзе редко говорил так много.

— А ты? — спросил Ван Цзе, не глядя на Дмитрия. — Ты жалеешь?

Дмитрий задумался. Пальцы его замерли на мгновение.

— Иногда. Когда вспоминаю, как мы с сыном на рыбалку ходили. Тихо, утро, поплавок качается. Он тогда впервые поймал окуня — маленького, с ладошку. Смеялся так, что утки с озера поднялись.

Он замолчал, потом снова взялся за отвёртку.

— Но если бы я остался, я бы, наверное, сошёл с ума. От быта, от скуки, от того, что всё время думаешь: «А что там, за горизонтом?» Здесь хотя бы ясно — звёзды. И больше ничего.

Ван Цзе кивнул, принимая ключ.

— Значит, мы оба бежим, — сказал он тихо. — Ты — от скуки. Я — от памяти.

— Может, и не бежим, — возразил Дмитрий. — Может, просто ищем место, где можно остановиться.

— И когда найдём? — Ван Цзе чуть заметно усмехнулся.

— Не знаю. — Дмитрий вылез из-под панели, вытирая руки ветошью. — Может, на этой планете. Может, ещё дальше.

Они помолчали. В отсеке ровно гудели системы жизнеобеспечения.

— Ладно, — сказал Дмитрий, хлопая Ван Цзе по плечу. — Давай дальше. А то мы так и до звёзд не долетим.

Ван Цзе протянул следующий инструмент. И они продолжили работать — молча, но теперь это было другое молчание.

Ноябрь 2053 года. Пятьдесят седьмой месяц полёта.

Сунь Линь сидела с Ли Вэем в кают-компании. За иллюминатором звезда Барнарда уже видна невооружённым глазом — огромный красный диск, похожий на раскалённый уголь.

— Почему она красная? — спросила Сунь Линь.

— Красный карлик, — ответил Ли Вэй. — Температура вдвое ниже Солнца, свет в триста раз слабее. Такие звёзды часто нестабильны. Некоторые из них могут годами оставаться спокойными, а потом внезапно вспыхивать.

— «Красные карлики живут гораздо дольше Солнца — десятки, а иногда и сотни миллиардов лет, — добавила Алиса. — Звезда Барнарда существует около десяти миллиардов лет. Для Солнца такой возраст означал бы приближение к концу жизни, но для красного карлика это лишь середина пути. Однако возможно, что именно возраст влияет на её нынешнюю нестабильность».

— Десять миллиардов, — повторила Сунь Линь. — Старушка.

— Старушка, которая ещё преподнесёт сюрпризы, — улыбнулся Ли Вэй. — И её планета, которую мы называем Багровой, — тоже.

— Багровая... — Сунь Линь задумчиво посмотрела на звезду. — Почему Майкл выбрал это имя?

— Говорит, в её свете всё кажется окрашенным кровью, — ответил Ли Вэй. — Но я думаю, он просто увидел то, что хотел. У каждого свой цвет.

— А ты? — Сунь Линь повернулась к нему. — Что ты видишь?

Ли Вэй помолчал, глядя на багровый диск.

— Закат, — сказал он наконец. — Красный закат перед долгой ночью. Но закат — это ещё и обещание рассвета.

— Ты оптимист, — заметила Сунь Линь.

— Я учёный, — поправил он. — А учёный должен верить, что даже в самой тёмной ночи есть звёзды.

1 января 2055 года. Семьдесят первый месяц полёта.

Ли Вэй разбудил Алексея, как и договаривались. Полгода первой смены истекли, наступала очередь второй.

— Вставай, командир, — сказал Ли Вэй, слегка тряся его за плечо. — Твоя вахта.

Алексей открыл глаза. Криокапсула медленно поднимала крышку, выпуская прохладный воздух.

— Как прошло?

— Нормально. Скучно, как и должно быть. Алиса всё контролировала. Мы просто сидели и смотрели на звёзды.

Алексей выбрался из капсулы, разминая затёкшие мышцы.

— Где остальные?

— Сунь Линь в рубке, Майкл и Жуан в кают-компани. Ждут, пока вы проснётесь.

— Хорошо. Буди своих.

Через час все восемь собрались в кают-компани. Дмитрий, Елена и Ван Цзе выбирались из гибернации, почёсываясь и зевая.

— Ну что, — сказал Дмитрий, — как вы тут без нас? Не переругались?

— Почти, — улыбнулся Жуан. — Майкл объяснил нам разницу между star и planet, а я его — ругаться по-португальски.

— Ценный обмен, — усмехнулась Елена. — А если серьёзно?

— Серьёзно — всё штатно, — ответил Ли Вэй. — Никаких аварий, никаких сбоев. Алиса докладывает: корабль в порядке, курс держим.

— «Дмитрий Александрович храпел во сне. Запись сохранена — 37 минут. Может быть использована для медицинского мониторинга».

— Алиса! — возмутился Дмитрий.

Все рассмеялись.

Так повторялось каждые полгода. Короткие встречи, передача вахты, несколько часов общения — и снова расставание на полгода. За семь лет они виделись всего четырнадцать раз, но каждый раз эти встречи становились маленьким праздником. Они рассказывали друг другу новости, делились наблюдениями, шутили. И постепенно незаметно для себя становились командой.

1 июля 2055 года. Семьдесят шестой месяц полёта. Последний сон перед планетой.

Дмитрий собрал всех в кают-компани. Достал пакеты с соком.

— Откуда? — удивился Алексей.

— Дипломатическая почта Бразилии, — усмехнулся Жуан. — Моя тётя работает в министерстве. Говорит, для космонавтов ничего не жалко.

— Семь лет, — сказал Дмитрий, разливая по кружкам. — Мы не убили друг друга. За это надо выпить.

Он встал, поднял кружку:

— За то, что Ван Цзе перестал смотреть на Майкла как на врага. Почти перестал.

Ван Цзе хмыкнул, но кружку поднял.

— За то, что Елена наконец улыбнулась. За то, что Жуан научил нас ругаться по-португальски. За то, что Сунь Линь до сих пор не записала в блокнот все наши тайны. За то, что Ли Вэй не убил меня за мои шутки. За то, что Майкл нашёл эту чёртову звезду. И за то, что командир просто есть.

Все чокнулись.

— А я пью за то, чтобы у моего сына был отец, который вернётся, — добавил Дмитрий. Голос его чуть дрогнул.

— «И за то, чтобы Дмитрий Александрович перестал терять инструменты. Потеряно 9 отвёрток за семь лет. Если тенденция сохранится, к моменту возвращения у него останется только память о них».

Все рассмеялись. Даже Ван Цзе позволил себе лёгкую улыбку.

— Семь лет, — сказал Алексей, оглядывая их. — Теперь мы здесь. Спать больше не будем. Всё, что осталось, — увидеть её своими глазами.

— Красивая, — сказала Елена, глядя на экран. — Посмотрите, какой цвет. Как закат над Волгой.

— Закат над Волгой? — Дмитрий прищурился. — Не знаю. Похоже на старую кровь.

— У каждого свой закат, — усмехнулась Елена.

— И своя кровь, — тихо добавил Ван Цзе. — Но дело не в цвете. Дело в том, что он есть. Все замолчали, глядя на багровый диск.

После тостов, когда настроение стало совсем тёплым, Сунь Линь подошла к Елене, которая смотрела в иллюминатор.

— Ты была на войне? — спросила психолог, присаживаясь рядом.

Елена не удивилась. Сунь Линь умела задавать вопросы в самый неожиданный момент.

— Была.

— Расскажешь?

Елена долго молчала. Потом подняла глаза:

— Прифронтовая полоса, двадцать восьмой год. Мне было девятнадцать. Мы вывозили детей. Одну девочку я упустила. Она бежала к нам, и снаряд...

— Ты не виновата.

— Знаю. Но легче не становится.

— Поэтому ты здесь?

— Поэтому. Чтобы спасти тех, кого можно спасти.

Сунь Линь кивнула, и они некоторое время смотрели на звезду в молчании.

— Знаешь, — сказала наконец Сунь Линь, — я иногда думаю: война кончается, когда мы перестаём видеть врага. Но как научиться не видеть врага, если ты видела, как умирают дети?

Елена повернулась к ней.

— А ты как?

— Я? — Сунь Линь вздохнула. — Я научилась смотреть на людей и видеть не их прошлое, а их боль. Это помогает. Не всегда, но помогает.

— Научишь? — тихо спросила Елена.

— Уже учу, — ответила Сунь Линь, касаясь её плеча. — Каждый день. Просто ты пока не замечала.

Они вернулись в кают-компанию, где Дмитрий уже разливал остатки сока.

Один за другим все расходились по каютам. Только Майкл остался один, глядя на звезду, которая за несколько месяцев должна была стать им домом.

2028 год. Прифронтовая полоса.

Елена тогда была совсем молодой — двадцать лет, только окончила ординатуру. В тот год шли тяжёлые бои, и её отправили в полевой госпиталь. Она помнила запах крови, смешанный с гарью, и как после каждой смены отстирывала халат, но пятна оставались навсегда.

— Машины идут! — крикнул кто-то.

Она выбежала на улицу. Три грузовика с ранеными. Первый уже разгружали, санитары выносили носилки, но второй и третий стояли с открытыми бортами, и оттуда доносились стоны.

— Сколько? — спросила Елена, запрыгивая в кузов второго.

— Двадцать три, — ответил санитар, передавая ей очередного. — Все тяжёлые.

Она работала не останавливаясь. Крики, стоны, мат. Чья-то рука сжимала её пальцы так, что трещали кости. Кто-то звал мать, кто-то просил пристрелить, кто-то уже не просил ничего. Елена перевязывала, накладывала жгуты, вкалывала обезболивающее, но раненых было больше, чем её рук.

— Сестра, — позвал молодой парень. Он лежал на носилках, лицо белое как бумага, на боку расплывалось тёмное пятно. — Сестра, я домой хочу.

— Домой, домой. Все домой хотим. Потерпи.

— Маму увижу?

Она знала, что не увидит. Кровь не останавливалась, жгут не помогал, а в полевом госпитале не было ни операционной, ни хирурга, который взялся бы за такое. Но она посмотрела ему в глаза и сказала:

— Увидишь. Обязательно.

Он умер через час. Елена закрыла ему глаза и пошла к следующему. А ночью, когда смена кончилась, она села у палатки, обхватив колени руками, и долго смотрела в темноту, где всё ещё ухали орудия. Плакать она не умела. Просто сидела и смотрела.

Потом она взяла себя в руки, вытерла лицо мокрой тряпкой и пошла готовиться к следующей смене. И так — день за днём, неделя за неделей. Она выучилась не плакать, не кричать, не думать о тех, кого не смогла спасти. Она просто делала своё дело. А потом пришёл приказ о передислокации и её отправили в другой госпиталь, и там было то же самое. И так до тех пор, пока события не затихли.

Но она помнила того парня. Всегда помнила.

Из дневника командира Алексея Силаева

Семь лет. Шестнадцать, если считать обратно.

Мы стали командой. Не сразу. Сначала были чужими, которых свела случайность. Теперь я знаю, кто из них проснётся первым при аварии, кто будет шутить, кто — молчать, а кто — держать меня за руку, если я сорвусь. Странно: чтобы узнать человека, нужно провести с ним семь лет в железной банке или один день на войне. Я проверял оба способа. Первый — дольше, но безопаснее.

Иногда я думаю: что мы оставили там, на Земле? Каждый — свою боль. Ван Цзе — брата, которого не нашёл. Елена — девочку, которую не спасла. Дмитрий — сына, которому так и не сказал главного. Майкл — родителей, которые сгорели в гражданской войне. А я? Я оставил дочь. И страх, что не успею сказать ей что-то важное. Страх, что она вырастет и спросит: «Папа, зачем ты улетел?» И я не найду ответа.

Майкл смотрит на звезду Барнарда каждый вечер. Говорит, что верил в неё двадцать лет. Я ему завидую. У меня никогда не было такой веры. Я просто делал свою работу. Стрелял, потом перестал стрелять. Командовал, потом перестал командовать. Летел. А он — верил. И нашёл. Теперь мы здесь. И я не знаю, что важнее: его вера или моё сомнение. Может, сомнение — это тоже вера. Только в другую сторону.

Алиса — единственная, кто не спала всё это время. Она записывает, анализирует, шутит по настроению. Дмитрий говорил, что настраивал её характер три месяца. Я иногда думаю: может, он настраивал не её, а нас? Чтобы мы не забывали смеяться. Потому что если мы перестанем смеяться, то всё, что останется, — это холод и звёзды. А звёзды, как известно, молчат.

Глава 3. Надежда

Мы прилетели. Семь лет позади. Восемь человек смотрят на планету, которая всё это время была просто точкой на снимках. А теперь она перед нами — голубая, живая, дышащая. Алиса сыплет цифрами: диаметр, масса, состав атмосферы. Но мы смотрим не на цифры. Мы смотрим на облака, на океаны, на тёмные пятна лесов. И каждый думает об одном: есть ли там кто-то, кто смотрит на нашу звезду?

Я врач. Я привыкла иметь дело с тем, что можно потрогать, измерить, вылечить. А здесь я чувствую себя беспомощной. Потому что я не знаю, что будет, если мы кого-то найдём. И что будет, если не найдём. Бабушка говорила: «Лечи, дочка. Дел везде хватает». Но как лечить то, что ещё не болит? Как помогать тем, кто не знает, что нуждается в помощи?

Майкл молчит. Он смотрит на звезду, которую искал двадцать лет. Я вижу его лицо — и мне становится страшно. Не за него. За всех нас.

Елена

2055 год, 15 июля. Система звезды Барнарда.

«Цзяолун-Восток» вышел на орбиту после семи лет полёта. Все восемь человек были в рубке, глядя на приближающуюся планету.

Алексей откинулся в кресле, разглядывая голубой шар на экранах.

— Алиса, статус по системе.

— «Пять планет. Четыре — с орбитальным периодом 2–7 дней, температура поверхности >300 °С. Пятая — на внешней границе обитаемой зоны. Масса 0,8 земной, атмосфера плотная, температура от –25 до +38 °С. Официальное обозначение — Бернارد f».

— Звучит как название робота. — Дмитрий поморщился.

— «Неофициальное название, принятое экипажем: Багровая. Дмитрий Александрович предлагал назвать её “Пивная”. Отклонено большинством голосов».

— Ну и зря... — усмехнулся он.

— «Особенности системы: нетранзитна: планеты не проходят по диску звезды; долгосрочная нестабильность орбит вероятна через несколько тысяч лет»».

Дмитрий махнул рукой:

— Но нам это не грозит.

— «Для текущей миссии — нет».

Планета висела в черноте, как драгоценный камень. Облака двигались медленно, где-то внизу поблёскивала гладь океана, отражая багровый свет звезды.

— Очень красивая... — сказала Елена. — ...и наше имя ей подходит.

— Посмотрим, что там внутри, — ответил Дмитрий. — Алиса, запускай разведку.

На экранах один за другим зажглись значки дронов — девять воздушных и три подводных. Разведка началась.

— «Трансляция данных с дронов. Солнечные батареи заряжены, задержка сигнала компенсирована».

Экраны зажглись. Цифры, графики, изображения поплыли перед глазами.

— «Атмосфера: кислород — 20,8 %, азот — 77,5 %, углекислый газ — 1,2 %. Давление — 0,98 земного. Температура: от минус двадцати пяти до плюс тридцати восьми».

— Дышать можно, — сказала Елена. В голосе её звучало облегчение.

— «Три континента. Северный — примерно с Евразию. Западный — меньше, напоминает Северную Америку. Восточный — с Австралию».

— А жизнь? — нетерпеливо спросил Дмитрий. Он даже привстал с кресла, вглядываясь.

Экр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.